

Кристофер Прист Разрядка

<http://www.ladoshki.com>

Содержание

Кристофер Прист

Разрядка

*Comme tous les songe-creux, je confondis le
désenchantement avec la vérité.*

Jean-Paul Sartre

*Как и вы, мечтатели, я смущен и
разочарован правдой.*

Жан-Поль Сартр

Память о жизни всплыла во мне в возрасте двадцати лет. Я был недавно вышедшим из учебки солдатом и маршировал под эскортом военных полицейских в черных фуражках в военно-морской компаунд в гавани Джетры. Заканчивались три тысячи лет войны и меня призвали служить в армию.

Я маршировал механически, уставясь в затылок человека передо мной. Небо закрывали темно-серые облака, тугой холодный ветер дул с моря. На меня вдруг нахлынуло ощущение жизни. Я знал свое имя, я знал, куда нам приказано маршировать, я знал или догадывался, куда мы пойдём после этого. Я вполне мог функционировать как солдат. В то мгновение во мне зародилось сознание.

Для маршировки не нужна ментальная энергия: разум – если у вас есть разум – свободен путешество-

вать куда захочет. Я пишу эти слова несколькими годами позже, оглядываясь назад, пытаюсь извлечь смысл из того, что произошло. В то время, в момент пробуждения, я мог лишь реагировать, оставаясь в строю.

От моего детства, от годов, приведших меня к этому моменту ментального рождения, мало что осталось. Я мог собрать фрагменты правдоподобной истории: я родился, скорее всего, в Джетре, университетском городе, столице, расположенной на южном побережье нашей страны. О своих родителях, братьях или сестрах, о моем образовании, о любой истории детских болезней, о друзьях, опыте, путешествиях – я не помнил ничего. Я дорос до возраста двадцати лет, только это и было известно наверняка.

И еще одну вещь, бесполезную для солдата, я знал – что я художник.

Откуда я мог быть в этом уверен, топая в темной форме вместе с другими в фаланге, с рюкзаками, бряцающей котелками, в стальных касках, в сапогах, переставляя ноги на дороге в лужах, с пронзительным холодным ветром, дующим в лицо?

Я знал, что в темной зоне позади меня была любовь к живописи, к красоте, форме, очертаниям и цвету. Откуда у меня взялась такая страсть? Что делал я с нею? Эстетика была моим наваждением и лихорадкой. Что же я делаю в армии? Каким образом этот совершенно неподходящий кандидат прошел медицинские и психо-

логические тесты? Меня призвали, отправили в учебку, и какой-то сержант тренировал меня, чтобы я стал солдатом.

И вот я марширую на войну.

Нас погрузили на транспорт для переброски на южный континент, самую большую ничейную территорию мира. Именно здесь идут бои. Все битвы происходят на юге вот уже почти три тысячи лет. Это обширная, не нанесенная на карту страна тундры и вечной мерзлоты, похороненная во льду до самого полюса. Кроме нескольких аванпостов по побережью, она не обитаема никем, кроме батальонов.

Меня распределили на жилую палубу ниже ватерлинии, где, когда мы грузились, уже было жарко и воняло, а стало еще и тесно и шумно.

Я ушел в себя, в то время как ощущения жизни безумно бродили во мне. Кто я? Как я попал сюда? Почему я не могу вспомнить даже то, что делал вчера?

Но я мог функционировать, снабженный знанием о мире, я мог пользоваться своим снаряжением, я знал других солдат в своем эскадроне, и я немного разбирался в целях и истории войны. Только себя я не мог вспомнить. Весь первый день, когда мы дожидались на

нашей палубе, пока другие отряды погружаются на судно, я прислушивался к разговорам солдат, словно надеясь на озарение относительно самого себя, но когда ничего путного не открылось, я вместо этого настроился отыскать, что же тревожит их. Потому что их заботы могли быть и моими.

Как и все солдаты, они жаловались на жизнь, но в их случае жалобы были окрашены реальными опасениями. Проблемой была перспектива трехтысячелетней годовщины начала войны. Все были убеждены, что мы идем участвовать в каком-то большом новом наступлении, в решительном штурме с целью разрешить спор тем или иным способом. Некоторые думали, что так как до годовщины еще более трех лет, то война закончится до того. Другие цинично отмечали, что наш четырехлетний срок службы должен закончиться через несколько недель после тысячелетней годовщины. И если начнется большое наступление, то нам ни за что не позволят уйти, пока оно не завершится.

Как и они, я был слишком молод для фатализма. Зерно желания сбежать из армии, найти какой-то способ отмазаться, было посеяно.

Я едва спал той ночью, думая о своем неизвестном прошлом, тревожась за свое будущее.

Когда судно начало свое плавание, оно направилось на юг, проходя мимо ближайших к материку островов. Возле самого побережья Джетры располагался Сеевл, длинный серый остров, состоящий из крутых скал и голых, продутых ветром холмов, которые загораживали вид на море из большей части города. Дальше за Сеевлом широкий пролив вел к группе островов, известных под названием Серксы – они были зеленее, ниже, со множеством небольших привлекательных городков, гнездящихся в заливах и бухточках вдоль их береговой линии.

Наше судно миновало их все, прокладывая извилистый путь между теснящимися островами. Я смотрел с палубы, зачарованный видом.

Пока медленно тянулись долгие судовые дни, я снова и снова находил себя на верхней палубе, где мог только найти местечко, чтобы стоять и смотреть, обычно в одиночку. Такие близкие к дому, но за пределами блокирующей вид темной массы Сеевла, острова скользили вне досягаемости, бесконечный ландшафт новых оттенков, кратких видов других мест, далеких и погруженных в дымку. Судно медленно и мерно вспахивало спокойную воду, но толпы солдатни тесни-

лась внизу, лишь немногие вообще выглядывали, чтобы увидеть, где мы находимся.

Дни шли и погода становилась заметно теплее. Берега, которые я видел теперь, были белые с бахромой высоких деревьев и крошечных домиков в их тени. Рифы, защищающие многие острова, были ярко-многоцветными, зазубренными, с корой из раковин, разбивая морской прибой в брызги и белую пену. Мы шли мимо бесхитростных гаваней и громадных прибрежных городов, облегающих эффектные склоны холмов, видели курящиеся вулканы и разбросанные, усеянные валунами горные пастбища, кайму островов больших и маленьких, лагуны, заливы, разнообразные эстуарии.

Всем было известно, что причиной войны явились жители архипелага Снов, хотя когда проходишь по Срединному морю, мирный, даже сонный вид островов подрывает эту уверенность. Спокойствие было лишь впечатлением, иллюзией порожденной расстоянием между судном и берегом. Чтобы держать нас настороже в нашем долгом путешествии на юг, армия организовала на судне множество обязательных занятий. На некоторых пересказывалась история борьбы за достижение вооруженного нейтралитета, в котором острова находились большую часть трехтысячелетней войны.

Сейчас по общему согласию всех участников они были нейтральны, однако их географическое положение

ние – Срединное море опоясывало мир, отделяя воюющие страны Северного континента от избранного ими поля боя в необитаемой южной полярной земле – гарантировало, что военное присутствие на островах будет постоянным.

До всего этого мне было мало дела. Когда бы я не выбирался на верхнюю палубу, я в восторженном молчании смотрел на проходящую мимо панораму островов. Я следил за курсом судна с помощью порванной и, скорее всего, устаревшей карты, которую обнаружил в судовом шкафчике, и имена островов звенели в моем сознании, как звон колоколов: Панерон, Салай, Теммил, Местерлин, Прачос, Мурисей, Деммер, Пикай, Аубрак, Торкил, Серкс, мели Ривер-Фаст и Берег пролива Хелварда.

Каждое из этих имен что-то воскрешало в моей памяти. Читая имена на карте, идентифицируя экзотические береговые линии с фрагментами увиденного – с внезапно восставшими из воды крутыми скалами, с различимым мысом, с отдельной бухтой – все заставляло меня думать, что целый архипелаг Сна уже внедрен в мое сознание, что каким-то образом я происхожу с этих островов, принадлежу им, что мечтал о них всю свою жизнь. Короче, пока я смотрел на острова с судна, я ощущал, что моя артистическая впечатлительность оживает заново. Я был поражен тем, какой эмоциональный удар наносят по мне эти имена,

такие деликатные и намекающие на неопределенные чувственные удовольствия, совершенно не гармонирующие с грубым мужским существованием на судне. Когда я смотрел через узкую полосу воды, лежавшей между нашим проходящим судном и пляжами с белыми рифами, я беззвучно повторял эти имена, словно пытаясь вызвать духа, который подымет меня ввысь, вознесет над морем и перенесет на эти заливаемые приливом берега.

Некоторые острова были такими громадными, что судно шло параллельно их береговым линиям большую часть дня, в то время как другие были настолько малы, что являлись едва лишь полупогруженными рифами, угрожавшими вспороть корпус нашего старого транспорта.

У больших или малых, но у всех островов были имена. Когда мы проходили тот, что я мог идентифицировать на своей карте, я обводил его имя кружком, а позднее добавлял его в растущий список в своей записной книжке. Мне хотелось записать их, сосчитать, занести, словно в путеводитель, чтобы в один прекрасный день я смог вернуться и исследовать их все. Вид с моря искушал меня.

Во время всего этого долгого путешествия на юг наше судно лишь единственный раз сделало остановку на острове.

Я впервые понял, что в путешествии будет пере-

рив, когда заметил, что судно направляется в сторону громадного промышленного порта, где здания ближе к морю казались обесцвеченными цементной пылью, сыпавшейся из неимоверно дымящего завода, выходящего на залив. За промышленным районом виднелась длинная полоса неосвоенного побережья, путаница дождевого леса, напрочь блокирующая любой признак цивилизации. Потом, после поворота за холмистый мыс и прохода мимо высокой стенки мола, вдруг открылся вид на громадный город, построенный на гряде низких холмов, раскинувшийся во всех направлениях, вид на него искажался жарким маревом, идущим от земли, лежащей за хлопотливыми водами гавани. Нам, конечно, запрещено было знать название нашей остановки, но у меня была моя карта, и я уже знал имя острова.

Это был Мурисей, самый большой из островов архипелага и один из самых важных.

Трудно недооценить влияние, которое это открытие оказало на меня. Имя Мурисея всплыло в пустой луже, в которую превратилась моя память.

Поначалу имя было просто словом, найденным на карте: слово, напечатанное буквами, большими по размеру, чем названия других островов. Это озадачило меня. Почему это слово, это чужое имя, должно что-то для меня значить? Меня возбуждал вид других островов, но хотя резонансы были тонкими, я не ощущал ни-

какой тесной связи ни с одним из них.

Потом мы приблизились к острову и судно начало следовать вдоль длинной береговой линии. Я смотрел, как далекая земля скользила мимо, тронутый все больше и больше, удивляясь, почему.

Когда мы вошли в залив, ко входу в гавань, и я почувствовал жар от города, плывущего по спокойной воде в нашу сторону, что-то наконец прояснилось для меня.

Я знал Мурисей. Знание пришло ко мне, как память из места, где у меня не было памяти.

Мурисей был чем-то, что я знал, или он представлял что-то, что я делал, или испытывал, ребенком. Воспоминание было полным, но дискретным, ничего не говоря мне обо всем остальном. Оно включало художника, который жил на Мурисее, и его имя было Раскар Акиццоне.

Раскар Акиццоне? Кто такой? Почему я вдруг вспомнил имя мурисейского художника, когда во всем другом – я пустая скорлупа амнезии?

Я не смог далее исследовать это воспоминание: без предупреждения всем подразделениям было приказано занять свои места, и вместе с остальными солдатами, шастающими по верхним палубам, меня принудили вернуться на жилые уровни. Я неохотно спустился в потроха судна. Нас продержали внизу остаток дня и ночь, как и большую часть следующего дня.

Хотя я страдал в лишенном воздуха, знойном изне-

можении трюма со всеми остальными, это дало мне время подумать. Я отключился, не обращая внимание на шум солдат, и молча исследовал это единственное вернувшееся воспоминание.

Когда большая часть памяти пуста, все, что вокруг, видится яснее, становится острым, многозначным, исполненным смысла. Я постепенно вспомнил свой интерес к Мурисею, но ничего больше о себе не узнал.

Я был мальчишкой, подростком. Не так давно в своей короткой жизни. Я как-то узнал о колонии художников, собравшихся в городе Мурисее в предшествующем столетии. Я где-то увидел репродукции их работ, наверное, в книгах. Я стал исследовать дальше и обнаружил, что несколько оригиналов хранятся в городской художественной галерее. Я зашел туда, чтобы посмотреть сам. Ведущим живописцем, занимавшем самое высокое положение в группе, был художник по имени Раскар Акиццоне.

Именно работы Акиццоне вдохновили меня.

Подробности продолжали проясняться. Связная точность появлялась из тьмы моего забытого прошлого. Раскар Акиццоне изобрел живописную технику, которую назвал тактилизмом. Тактилист использовал в работе особый пигмент, изобретенный несколькими годами ранее, но не художниками, а исследователями в области ультразвуковых микроцепей. Целый спектр поразительных красок стал доступен художникам, ко-

гда истек срок некоторых патентов, и на короткий период в моду вошли картины, с кричаще яркими, захватывающими ультразвуковыми цветами.

Большинство из этих ранних работ были не более чем чистым сенсационализмом: обычные краски синтетично смешивались с ультразвуковыми, чтобы шокировать, предупредить или спровоцировать зрителя. Работа Акиццоне началась, когда остальные потеряли к ней интерес, он отнес себя к меньшему по размеру художественному течению, которое вскоре стало известным под названием пре-тактилисты. Акиццоне использовал эти пигменты для более тревожащего эффекта, чем кто бы то ни было до него. Его пылающие абстрактные громадные полотна или доски, окрашенные одним-двумя основными цветами, с немногими видимыми образами или формами – обычному первому взгляду, или с расстояния, или когда смотришь репродукцию в книге, казались немногим более, чем простой подборкой цветных пятен. Но с расстояния близкого, или, еще лучше, если вы входили в физический контакт с ультразвуковыми пигментами, использованными в оригиналах, становилось очевидным, что скрытые образы имеют самую глубокую и шокирующую эротическую природу. Подробные и удивительно четкие сцены загадочно возникали в сознании зрителя, возбуждая мощный заряд эротического восторга. Я раскопал целую подборку давно забытых абстрактных

картин Акиццоне в подвалах музея Джетры и, притрагиваясь к ним ладонями, входил в мир чужой чувственной страсти. Женщины, запечатленные Акиццоне, были самыми красивыми и сладострастными из тех, что я когда-либо видел, знал, или воображал. Каждая картина в сознании каждого зрителя творила собственные видения. Образы всегда были точными и повторяющимися, но у каждого свои, частично сотворенные индивидуальным откликом на чувственные желания зрителя.

Осталось не слишком много критической литературы об Акиццоне, но то немногое, что я смог найти, казалось, намекало, что каждый воспринимал любую его картину по-своему.

Я обнаружил, что карьера Акиццоне закончилась провалом и позором: вскоре после того, как на его работу обратили внимание, он был отвергнут представителями официального искусства, видными общественными фигурами, хранителями морали своего времени. Его преследовали и проклинали, вынудив окончить свои дни в изгнании на уединенном острове Чеонер. Большая часть его оригиналов пропала, немногие рассеялись с Мурисея в архивы галерей континента, а Акиццоне никогда больше не работал и погрузился в неизвестность.

Подростку-эстету, мне было наплевать на его скандальную репутацию. Я только понял, что несколько

его картин, спрятанные в подвалах галереи Джетрана, пробуждают такие сладострастные образы в моей голове, что я выхожу оттуда слабым, с неотчетливо сфокусированным желанием и с головой, кружащейся от любовного томления.

И это была все яркая, ясная зона моей неотчетливой памяти. Мурисей, Акиццоне, шедевры тактилистов, спрятанные картины тайного секса.

Кто же был я, узнавший все это? Мальчик исчез и вырос в солдата. Где я был, когда это случилось? Должна была существовать более широкая жизнь, которой я когда-то жил, но ничего из этих воспоминаний не сохранилось.

Когда-то я был эстетом, теперь я солдат-пехотинец. Какова же была моя жизнь?

Сейчас мы стояли на якоре в городе Мурисее, как раз по другую сторону стенки гавани. Мы мучились и напрягались, желая сбежать из пышущих зноем трюмов. Потом пронеслось:

Увольнение на берег.

Новость распространилась среди нас быстрее скорости звука. Судно скоро покинет стоянку за пределами гавани и встанет у причала. Нам дадут тридцать шесть часов на берегу. Я радовался вместе со всеми. Я страстно хотел узнать о своем прошлом и потерять в Мурисее свою невинность.

Четыре тысяч человек получили увольнительные и

мы поспешили на берег. Большинство помчалось в город на поиски шлюх.

Я помчался вместе с ними на поиски Акиццоне.

Вместо этого я тоже нашел только шлюх.

Здесь, в районе доков, после бесплодного похода, который заставил меня слоняться по улицам в поисках красоток Мурисея, я закончил его в танцклубе. Я не был готов к Мурисею, я не имел понятия, как найти то, что я ищу. Я забрел в дальние кварталы города, потерялся в узких улицах, меня гнали люди, живущие здесь. Они замечали только мою форму. Я быстро стер ноги и разочаровался недружелюбием города, поэтому почувствовал облегчение, когда обнаружил, что странствия привели меня назад в гавань.

Наш транспорт, весь залитый ночными прожекторами, нависал громадой над бетонными набережными и причалами.

Я заметил этот танцклуб, когда наткнулся на дюжину солдат, топчущихся у входа. Удивляясь, что привлекло их, я протиснулся сквозь толпу и вошел внутрь.

В громадном внутреннем зале было темно и жарко, он до самых стен был тесно забит человеческими телами, заполнен нескончаемыми биениями и пульсация-

ми синтезированного рока. В глазах мелькали цветные лазеры и прожекторы, мощно светящие с кронштейнов близких к потолку. Никто не танцевал. В отдельных местах вдоль стен на блестящих металлических платформах над головами толпы стояли молодые женщины, их нагие, жирно блестящие тела резко выделялись в слепящем белом свете прожекторов. Каждая держала возле губ микрофон и что-то невоодушевляюще говорила, указывая на отдельных мужчин на полу танцульки.

Пока я проталкивался в середину зала, они заметили меня. Поначалу, по своей неопытности, я подумал, что они машут мне, или как-то приветствуют. Я устал и был сбит с толку после долгой прогулки по городу и поднял руку, вяло ответив. У молодой женщины на ближайшей ко мне платформе было пышное тело: она стояла, широко расставив ноги, и ее лоно выдавалось вперед, подчеркивая ее наготу в проникающем насквозь свете. Когда я помахал, она вдруг шевельнулась, перегнулась через металлический поручень своей платформы так, что ее громадные груди искушающе свесились к мужчинам внизу. Прожектор вдруг сменил позицию – новый луч вспыхнул снизу и позади нее, кричаще осветив ее громадные ягодицы и отбросив ее тень на потолок. Она все настойчивее говорила в свой микрофон, тыча рукой в моем направлении.

Встревоженный таким особым вниманием, я глубже

двинулся в мешиво мужских тел в военной форме, надеясь затеряться в толпе. Однако, в течении немногих секунд несколько женщин подобрались ко мне с разных сторон, дотянулись сквозь плотную давку тел и взяли меня за руки. Но каждой был радионабор на голове, с маленьким микрофончиком возле губ. Вскоре я был ими окружен. Они неудержимо повлекли меня в сторону.

Пока они продолжали сжиматься вокруг меня, одна из них щелкнула пальцами перед моим лицом, потом вопрошающе потерла большой палец об остальные.

Я покачал головой, смущенный и испуганный.

«Деньги!», громко сказала женщина.

«Сколько?»

Я надеялся, что деньги позволят мне избавиться от них.

«Твои увольнительные.» Она снова потерла пальцами.

Я нашел тонкую трубочку военных банкнот, которые сержант в черной фуражке дал мне перед спуском на берег. Как только я вытащил их из кармана, она иххватила. Быстрым движением она передала деньги одной из женщин, которые, как я вдруг увидел, сидели за длинным столом в затененном уголке у края танцплощадки. Каждая заносила суммы, взятые у солдат в нечто вроде гроссбуха, а потом прятала банкноты.

Все произошло так быстро, что я едва понял, что они

хотят. Но теперь, из-за намекающе тесных прижимающихся женских тел, у меня не осталось никаких сомнений в том, что они мне предлагают, и даже требуют. Ни одна не была молодой, ни одна не привлекала меня. Мои мысли последние несколько часов были о сиренах Акиццоне. Столкновение с этими агрессивными и неприятными бабами оказалось для меня шоком.

«Ты это хочешь?», спросила одна из них, расстегивая перед платья и обнажая на мгновение маленькую, но оплывшую грудь.

«А это ты тоже хочешь?» Женщина, что выхватила из моей руки деньги, схватилась за край юбки и подняла ее, показывая мне, что под нею. В резких тенях от слишком яркого освещения я ничего не увидел.

Они засмеялись надо мной.

«Вы взяли деньги», сказал я. «Теперь отпустите меня.» «А ты знаешь, где ты, и что мужчины делают здесь?» «Конечно.»

Мне удалось вырваться от них и я немедленно направился назад ко входу. Я чувствовал злость и унижение. Я провел несколько последних часов в мечтах встретить или хотя бы просто увидеть ветреных красоток Акиццоне. Вместо этого какие-то шлюхи мучили меня своими иссохшими, выдавшими виды телами.

Пока все это происходило в здание вошла группа из четырех черных фуражек. Я видел, как они парами встали по обе стороны выхода. Они достали свои

синаптические жезлы и держали их в боевом положении. На борту судна я уже видел, что бывает с жертвой, если одну из этих злобных палок применяют во гневе. Я приостановился, не желая протискиваться к выходу мимо них.

И когда я затормозил, еще одна шлюха пробилась через толпу и схватила меня за руку. Я с отвращением взглянул на нее, но черных фуражек я страшился еще больше.

Я удивился, разглядев ее: она была гораздо моложе других. Одежды на ней было так мало, что не о чем говорить: пара крошечных шортов и майка с оторванной лямкой, обнажавшая одно плечо и открывавшая мне верхнюю линию груди. Руки тонкие. Радио у нее не было. Она улыбнулась мне и, как только я на нее посмотрел, заговорила.

«Не уходи, не узнав, что мы умеем делать», сказала она, подняв лицо, чтобы говорить мне в ухо.

«Мне не надо это знать», прокричал я.

«Это место – собор твоих снов.»

«Что ты сказала?»

«Твоих снов. Что бы ты ни искал, оно здесь есть.»
«Нет, с меня достаточно.» «Просто попробуй, что мы предлагаем», сказала она, прижимая лицо так близко, что завитки ее волос легонько дразнили мою щеку. «Мы здесь для того, чтобы тебя радовать. Когда-нибудь тебе понадобится то, что предлагают шлюхи.»

«Никогда.» Черные фуражки передвинулись, блокируя выход. Я видел, что позади них в широком коридоре, ведущем на улицу, появились другие из их отряда. Я удивлялся, почему они вдруг объявились в клубе, и что они здесь делают. Наше увольнение официально не заканчивалось еще много часов. Не надо ли нам спешно возвращаться на судно? А может, приходить в этот клуб, столь многообещающе близкий к месту, где стоит на якоре судно, запрещено по какой-то извращенной причине? Ничего не было ясно. Я вдруг испугался ситуации, в которой оказался.

Однако, вокруг меня сотни других солдат, все очевидно с того же транспорта, что и я, казалось, не выкалывают никакой тревоги. Грохот свехусленной музыки продолжался, ввинчиваясь в мозги.

«Ты сможешь уйти другим путем», сказала девушка, тронув мою руку. Она показала в сторону темного дверного проема, расположенного низко под зоной сцены, вдали от главного входа.

Черные фуражки теперь двигались в толпу солдат, распахивая людей в стороны грубыми толчками. Угрожающе помахивали синаптические дубинки. Молодая шлюшка уже бежала вниз по короткому пролету лестницы к двери и оставила ее открытой для меня. Она настойчиво кивала мне. Я быстро пошел за ней и вошел в дверь. Она закрыла ее за мной.

Я оказался в сырой полутьме и запнулся на неров-

ном полу. В воздухе стояли густые мощные запахи и, хотя я еще слышал пульсирующие басы музыки, вокруг было много других звуков. Интересно, что я слышал голоса мужчин: кричащих, смеющихся, жалующихся. Каждый голос был повышен: который в гневе, который в восхищении или настойчивости. Что-то по другую сторону стены коридора тяжело и нерегулярно билось в стены.

У меня осталось ощущение хаоса, событий вышедших из-под контроля.

Мы прошли по коридору короткое расстояние до какой-то двери – она открыла ее и ввела меня внутрь. Я ожидал найти какую-нибудь постель, но в комнате не оказалось ничего даже отдаленно похожего на будуар. Не было даже кушетки или подушек на полу. Вдоль одной стены застенчивым рядком стояли три деревянных стула – и это было все.

Она сказала: «Теперь подожди.»

«Подождать? Чего? И сколько?»

«Сколько ты ждешь своей мечты во сне?» «Нет! У меня нет времени!» «Ты такой нетерпеливый. Еще минуту, а потом следуй за мной!» Она показала на еще одну дверь, которую я до того момента не замечал, потому что она была выкрашена в тот же тускло-красный цвет, что и стены. Слабый свет единственной в комнате лампочки помогал скрывать ее еще больше. Она подошла к двери и вошла в нее. Я видел, как она забросила

обе руки за голову и сняла свою порванную майку.

Я мельком увидел ее голую согнутую спину, небольшие выпуклости позвоночника, потом она скрылась из виду.

Оставшись в одиночестве, я начал расхаживать туда-сюда. Сказав мне подождать одну минуту, она понимала это буквально? Я что, должен проверять по часам или досчитать до шестидесяти? Она бросила меня в состоянии нервного напряжения. Что еще ей надо сделать в этом дальнем убежище кроме того, чтобы снять шорты и приготовиться для меня?

Я нетерпеливо открыл дверь, преодолевая давление пружины. Там было темно. Слабый свет из комнаты позади был не такой сильный, чтобы хоть что-то увидеть. У меня было ощущение чего-то громадного в комнате, но я никак не мог ухватить очертания. Я пробыл вокруг себя руками, нервничая в темноте, пытаюсь обострить свои чувства, оторвав их от привязчивых запахов и бесконечной пульсирующей музыки, приглушенной, но все-таки громкой. Насколько я мог судить, я находился в комнате, а не в еще одном коридоре.

Я пошел глубже, нащупывая, что впереди. Позади меня дверь закрылась пружиной. Немедленно в углах потолка включились яркие софиты.

Я был в будуаре. Изукрашенная постель – с громадным резным деревянным балдахинном, необъятными громоздящимися подушками и избытком сверкающих

сатиновых простыней – заполняла большую часть комнаты. Женщина, но не та молодая шлюшка, что привела меня сюда, лежала на постели в позе сексуальной непринужденности и доступности.

Она была нагой, лежа на спине, закинув согнутую руку за голову. Лицо ее было повернуто в сторону, рот открыт. Глаза закрыты, губы влажные. Громадные груди бугрились, глядя сосочками в разные стороны. Она подняла одно колено и слегка отвела ногу в сторону, открывая себя. Ладонь лежала на лоне, кончики пальцев слегка согнуты, немного погрузившись в расщелину. Прожекторы держали ее и постель в ослепительном фокусе сияющего белого света.

Этот вид заморозил меня. То, что я видел, было невозможно. Я уставился на нее, не веря себе.

Она улеглась в живую картину, которая была идентична, не просто похожа, а идентична той, что я прежде видел в воображении.

Картина была оттуда, где находился единственный фрагмент моего прошлого: я вспомнил первый день, когда я оказался в полутьме подвала галереи Джетры. Я прижимал свои дрожащие пальцы подростка, свои ладони, свой вспотевший лоб много раз к одной из наиболее печально известных тактилистских работ Акиццоне: «Сте-Августина Абонданаи».

(Я вспомнил название! Как?)

Эта женщина была Сте-Августиной. Репродукция,

которую она представляла, была превосходной. Не только она была точной репликой, но так же и сделанное ею расположение простыней и подушек – складки сатина в резком свете сияли в точности, как на картине. Длинная блестящая полоска испарины, проходящая меж ее обнаженных грудей, была одной из моих самых сладострастных воображаемых картин.

Я был так поражен этой находкой, что на мгновение забыл, почему я нахожусь здесь. Многое немедленно и однозначно стало мне ясно: что она, к примеру, не та молодая женщина, которую я видел снимающей порванную майку, не была она ни одной из тощих женщин в радионаушниках, что поймали меня на танцплощадке. Она была более зрелой, чем худая девушка в майке, и на мой взгляд во много раз красивее, чем все остальные. Но самым смущающим была та тщательно подготовленная поза, в которой она развалилась на гладких простынях постели, – сознательная ссылка на воображаемую картину, которую только я и мог видеть. Это была связь, которую я не мог объяснить, и от которой не мог отвязаться. Ее поза – это просто совпадение? Или они каким-то образом читают мои мысли?

Храм снов, сказала девушка. Это невозможно!

А точно ли невозможно?

Безумием было думать, что все это подстроено. Однако сходство с картиной, все подробности которой были четко запечатлены в моем сознании, было заме-

чательным. Но даже так, настоящая цель женщины была ясна. Она все еще оставалась шлюхой.

Я пялился на нее в молчании, пытаюсь сообразить, что же мне об этом думать.

Тогда, не открывая глаз, шлюха сказала: «Если ты стоишь тут только чтобы глазеть, то тебе надо уйти.» «Я... я ищу здесь...» Она ничего не сказала, поэтому я добавил: «... молодую женщину, вроде вас...» «Бери меня, или проваливай. Я не для того, чтобы смотреть или пялиться. Я здесь, чтобы ты меня насильовал.» Насколько я видел, она не сменила позу, говоря со мной. Даже губы едва шевелились.

Я смотрел на нее еще несколько секунд, думая, что вот оно место и вот оно время, когда мои фантазии и моя реальная жизнь могут пересечься, но в конце концов я пошел прочь от нее. Я, по правде говоря, испугался ее. Я едва только вышел из подросткового возраста и был совершенно неопытен в сексе. Хотя дело было и не только в этом: в одно неожиданное мгновение мне предстала во плоти одна из искусительниц Акиццоне.

Я застенчиво поступил, как она сказала, и вышел.

Было не слишком большой выбор, куда мне идти. Две двери выходили в эту комнату: та, в которую я вошел, и другая – в стене напротив. Я обошел гигантскую постель и направился ко второй двери. «Сте-Августина» даже не шевельнулась, чтобы посмотреть на мой уход. Насколько я мог судить, она вообще почти на меня не

смотрела, пока я там был. Я опустил голову, не желая, чтобы она увидела меня, даже когда я ухожу.

Я прошел во второй узкий коридор, с моей стороны неосвещенный, слабая лампочка тлела на другой его стороне. Стычка произвела на меня знакомый физический эффект – несмотря на свою боязнь, я трепетал от сексуальной интриги. Сладострастие росло. Я пошел в сторону света, дверь в покинутую мной комнату закрылась за мной. На дальней стороне коридора прямо под лампой вырисовывалось что-то вроде арки с маленьким альковом за ней.

По всей длине коридора дверей больше не было, поэтому я предположил, что найду в алькове какой-нибудь выход. Опуская голову, чтобы пройти под арку, я запнулся и перешагнул переплетенные ноги мужчины и женщины, очевидно занимающихся любовью на полу. Во тьме я их раньше не заметил. Я пошатнулся, попытался удержать равновесие, пробормотал извинение и остановился, опираясь рукой о стену.

Потом я пошел прочь от парочки, но альков оказался тупиком. Я обернулся в тусклом свете, пытаюсь обнаружить след какой-нибудь двери, но единственный вход был из-под арки.

Парочка на полу продолжала свои занятия, их нагие тела ритмически и энергично накачивались друг другом.

Я попробовал перешагнуть через них, но места, где

встать, было мало, я снова потерял равновесие и споткнулся об них. Я пробормотал еще одно смущенное извинение, но к моему удивлению женщина живо выпуталась из-под мужчины и встала проворным, легким движением без малейших следов усталости. Длинные волосы падали ей на лицо и она дернула головой, чтобы отбросить их с глаз. Пот градом катился по ее лицу, капая на грудь. Мужчина быстро перекатился лицом вверх. Из-за его наготы я, к своему изумлению, смог увидеть, что он совсем не возбужден сексуально. Их акт физической любви был только имитацией.

Женщина сказала мне: «Подожди! Я пойду с тобой вместо него.» Она прикоснулась ко мне теплой рукой и приглашающе улыбнулась. Она возбужденно дышала. Пленка пота покрывала ее груди, соска торчали вперед. Я ощутил новый эротический заряд от легкого касания ее пальцев, но так же и волну вины. Мужчина пассивно лежал у моих ног, глядя вверх на меня. Я был сильно смущен всем, что видел.

Я попятился от них и пошел через арку назад по длинному неосвещенному коридору. Нагая шлюха живо следовала за мной, хватая меня за предплечье, пока я, спотыкаясь, плелся дальше. На дальнем конце коридора возле двери, которая, как я знал, вела назад в будуар Сте-Августины, я заметил еще одну дверь и с силой дернул ее. Она открылась с большим трудом. В комнате за этой дверью бесконечные пульсации синте-

зированной музыки слышались громче, но, похоже, никаких людей там не было. Стоял резкий мускусный запах. Я ощущал себя чувственным, возбужденным, готовым поддаться молодой женщине, что прилипла ко мне – но даже сейчас я был так испуган, дезориентирован, затоплен волной ощущений и мыслей, кружившихся во мне.

Молодая женщина, что следовала за мной, все цеплялась за мою руку. Дверь за нами плотно закрылась, вызвав ощущение декомпрессии в ушах. Я сглотнул, прогоняя его. Я повернулся, чтобы заговорить с этой шлюхой, но в этот момент две другие молодые женщины появились словно ниоткуда, шагнув из густых теней комнаты чуть подальше от двери.

Я был один с ними. Все три были нагими. Они смотрела на меня взглядом, который я понял как большую готовность. Я находился в состоянии острого сексуального возбуждения.

Но даже сейчас я отступил от них, все еще нервничая от неопытности, но на сей раз в таком напряженном состоянии готовности, что смутно подумал, сколько же я еще смогу его сдерживать. Я почувствовал, как край чего-то мягкого прижался к моим ногам. Оглянувшись, в слабом свете я увидел, что позади громадная постель, с каким-то голым матрасом, целая прорва мягкого пространства, готового к работе.

Три нагие женщины теперь оказались рядом, их сла-

доэротичный аромат вздымался вокруг меня. Мягким давлением ладоней она показывали, что я должен опуститься на постель. Я сел, но одна из них легко надавила мне на плечи, и я податливо откинулся на спину. Матрац, перина, что бы там ни было – мягко осел под моим весом. Одна из женщин наклонилась и забросила на постель мои ноги, чтобы я лежал вытянувшись.

Когда я разлежся, они начали расстегивать и снимать мою форму, работая легко и быстро, давая мне почувствовать, легкие касания своих пальцев. Ничего не происходило случайно – они вполне сознательно провоцировали и возбуждали мой физический отклик. Я тужился в усилиях контролировать себя, так близко я был к концу. Девушка возле моей головы смотрела вниз мне в глаза, в то время как ее пальцы расстегивали рубашку у меня на груди. Наклоняясь вперед через меня, или вытягиваясь, чтобы высвободить мне руку из рукава, она всякий раз сосочком одной груди легонько касалась моих губ.

Меня раздели донага в несколько секунд, я находился в состоянии полного и болезненно острого возбуждения, страстно желая разрядки. Женщины выдернули из-под меня мою одежду и сложили ее в кучу на дальней стороне постели. Та, что была рядом с головой, приложила кончики пальцев к моей груди. Потом наклонилась ближе.

«Ты выбрал?», шепотом сказала она мне в ухо.

«Выбрал что?»

«Я тебе нравлюсь? Или ты хочешь моих подружек?»

«Я хочу вас всех!», воскликнул я без малейшего раздумья. «Я хочу вас всех!» Ничего больше не было сказано, и насколько я видел, не просигналено между ними. Они плавно заняли позицию, словно репетировали ее много раз.

Я остался лежать на спине, но одна из них подняла мое колено, ближайшее к краю, образовав небольшую треугольную арку. Она улеглась на спину поперек матраца так, что ее плечи покоились на моей горизонтально лежащей ноге, а голова прошла под моим поднятым коленом. Она повернула лицо к пространству между моими ногами. Я почувствовал ее дыхание на своих обнаженных ягодицах. Она крепко взяла рукой мой напряженный пенис и держала его перпендикулярно моему телу.

В тот же момент вторая женщина оседлала меня, поставив колени по обе стороны моей груди, широко расставив ноги, и наклонившись так, что ее лоно мягко касалось, но не охватывало кончик моего члена, который в нужном положении удерживала первая женщина.

Третья тоже уселась на меня верхом, но поместила себя над моим лицом, приближая себя все ближе, но не до конца, к моим жаждущим губам.

Вдыхая восхитительные телесные ароматы женщин, я вспомнил Акиццоне.

Я думал о самой откровенной из его картин, спрятанной в подвалах галереи. Она называлась (еще один заголовок, который почему-то я вспомнил) «Божественные радости обожателя Летен». Она была написана густым пигментом на жесткой деревянной доске.

Все, что можно было увидеть на картине в репродукции или на расстоянии, выглядело гладким полем однородно ярко-красной краски, интригующе простой и минималистской. Однако, единственное прикосновение ладони или пальца, или даже (я знаю, я пробовал) легкое касание лбом, вызывали живой мысленный образ сексуальной активности. Предполагаю, что для каждого свой. Сам я видел, чувствовал, испытывал сцену сексуальной активности со многими участниками – я был молодым человеком в постели с тремя нагими красавицами, убажжающими меня, одна оседлала лицо, другая пенис, третья лежит, прижимая свое лицо к моим ягодицам. И все в этой напряженной воображаемой сцене купается в сладострастном красном свете.

Теперь я сам стал этим обожателем в божественных радостях.

Я сдался нарастающей страсти, что возбудили во мне эти женщины. Желание физической разрядки нахлынуло на меня так же, как загадочное окружение из картины Акиццоне. Я чувствовал, что спешу к завершению.

Потом все кончилось. Так же быстро и ловко, как они

заняли свои позиции, женщины поднялись и бросили меня. Я пробовал обратиться к ним, но мое затрудненное дыхание позволило мне испустить лишь серию задыхающихся хрипов. Они быстро отошли от постели, ускользнули прочь – дверь открылась и закрылась, оставив меня в одиночестве.

И я, наконец, разрядил свое возбуждение, жалкий и брошенный. Я все еще в каком-то смысле ощущал их, я мог уловить след, оставленный их прелестными и возбуждающими ароматами, но в этой слабо освещенной, громадной камере я остался один, и я избавился от своей страсти так, как это обычно делает одинокий мужчина.

Я лежал тихо, пытаюсь успокоиться, все мои чувства зудели, мышцы дергались и напрягались. Я медленно сел прямо, опустил ноги на пол. Они тоже дрожали.

Когда я смог это сделать, я оделся быстро и аккуратно, пытаюсь выглядеть, как если бы ничего не случилось, чтобы можно было по крайней мере удалиться, сохраняя внешнее спокойствие.

Заправляя рубашку, я чувствовал на коже живота следы своей разрядки, холодный и липкие.

Я нашел дорогу из комнаты по коридору в громадную зону под полом танцупьки, наполненную звуками музыки и шаркающих ног. Я уловил вспышку ярко-красного неона, прорывающегося сквозь неплотно закрытую дверь. С трудом справившись с железными ручка-

ми, я толчком открыл дверь и обнаружил выложенный булыжником закоулок между двумя массивными зданиями под тропической ночью, ощутив запахи стряпни, пота, пряностей, жира, газолена, ночных цветов. В конце концов я вышел на шумную улицу у берега моря. Я не увидел ни черных фуражек, ни шлюх, ни своих товарищей по судну.

Я был рад, что клуб оказался так близко к набережной. Я быстро вошел на транспорт, отметился у капралов, потом нырнул на нижние палубы и затерялся в безликом месиве остальных солдат. Я не искал ничей компании во время моих первых часов на переполненных палубах. Я улегся на койку и притворился спящим.

На следующее утро судно вышло из Мурисея и мы снова направились на юг на войну.

После Мурисея мой взгляд на острова стал другим. Внешняя их привлекательность уменьшилась. Из моего короткого визита на берег в этот перенаселенный город я чувствовал себя набравшимся опыта островитянином, я немного подышал их воздухом и ароматами, я услышал их звуки и увидел их путаницу. Хотя одновременно этот опыт углубил загадочность островов. Они все еще держали меня своим невольником, одна-

ко теперь я старался не отдаваться им полностью. Я чувствовал, что немного повзрослел.

Весь темп жизни на судне изменился, с каждым часом армейские требования возрастали. Еще несколько дней мы продолжали плыть зигзагообразным курсом между тропическими островами, но так как мы все дальше продвигались на юг, погода постепенно становилась более умеренной, а в течении трех долгих малоприятных дней судно боролось с мощным южным штормом и болталось на гороподобных волнах. Когда буря, наконец, улеглась, мы оказались в более унылых широтах. Многие из островов здесь, в южной части Срединного моря, были скалисты и безлесны, некоторые едва возвышались над уровнем моря. И стояли они дальше друг от друга, чем те, что ближе к экватору.

Я все еще томился по островам, но не по таким. Я жаждал безумной жары тропиков. С каждым днем, пока острова теплого климата все дальше ускользали от меня, я понимал, что надо выбросить их из своей головы. Я перестал выходить на верхние палубы с их тихими панорамами далеких фрагментов земли.

К концу путешествия нас без предупреждения переместили с нашей нижней палубы, и пока мы толпились кучей на другой, временной палубе, каждый рюкзак был обыскан. Карту, которой я пользовался, обнаружили в моем рюкзаке. Еще пару дней ничего не происходило. Потом меня вызвали в кабину адъютанта,

где сказали, что карту конфисковали и уничтожили. На семь суток меня заперли, а в военной книжке сделали запись. Я был официально предупрежден, что служба черных фуражек поставлена в известность о нарушении мною правил.

Оказалось, однако, что не все потеряно. Либо обыскватели не нашли мою записную книжку, либо не прочитали длинный список названий островов, что в ней находился.

Потеря карты упрямо напоминала мне об островах, которые мы миновали. В последние дни, проведенные на транспорте, я сидел в одиночестве с этими страничками записной книжки, зазубривая имена в памяти и пытаюсь заново вспомнить, как выглядел каждый остров. Мысленно я составлял желаемый перечень, которому я буду следовать, когда наконец избавлюсь от армии и буду возвращаться домой, двигаясь медленно, как я запланировал, от одного острова к другому, и, наверное, много времени проведя в этом процессе.

Это не может начаться, пока я не покончу с войной, однако с транспорта пока еще даже не было видно пункта нашего назначения. Я ждал в своем гамаке.

После высадки меня определили в пехотное подразделение, вооруженное неким типом гранатомета. Я продержался возле порта еще почти месяц, проходя тренировку. К тому времени, когда она завершилась, мои товарищи по судну рассеялись. Меня отправили в долгое путешествие по унылому ландшафту на соединение с моим новым подразделением.

Наконец-то я продвигался по печально известному южному континенту, театру наземной войны, однако в течение трех дней моего холодного и изматывающего путешествия на поезде и грузовике я не увидел ни следов сражений, ни их последствий. На территориях, через которые я проследовал, очевидно, никто никогда не жил – я видел кажущуюся бесконечной перспективу безлесных равнин, каменистых холмов, замерзших рек. Я получал новые приказы ежедневно: мое мучение было одиноким, однако маршрут мой был известен и прослеживался, устраивались разнообразные контрольные пункты. Со мною путешествовали другие солдаты, никто из них подолгу. У всех были самые разные пункты назначений, разные приказы. Где бы ни останавливался поезд, его встречали грузовики, которые либо стояли сбоку от путей, либо приезжали от-

куда-то через час-другой ожидания. На этих остановках грузили топливо и еду, а мои недолгие компаньоны входили и выходили. В конце концов на одной из таких остановок настал и мой черед выгрузиться.

По пандусу я перешел на борт грузовика и проехал под брезентом еще день, замерзший и голодный, весь в ссадинах от постоянного подпрыгивания грузовика, и наконец-то по-настоящему ужаснулся уединенности окружающего ландшафта. Теперь во многом я стал его частью. Ветер, дергавший невзрачную траву и колючие, лишенные листьев кусты, дергал и меня, а камни и валуны, усыпавшие землю, были прямой причиной резких рывков грузовика. Холод, что просачивался повсюду, подрывал мои силы и волю. Я путешествовал в состоянии ментальной и физической отключки, ожидая, когда же подойдет к концу нескончаемое путешествие.

Я со страхом смотрел на окружающее. Я находил этот темный ландшафт давящим, переходящие друг в друга контуры обескураживающими. Я ненавидел вид сырой, кремнистой земли, безводные равнины, нейтральное небо, развороченную почву с рассыпанными камнями и осколками кварца, полное отсутствие следов человеческого пребывания или сельского хозяйства, животных, строений – но больше всего я ненавидел беспрестанные порывы замораживающего ветра, саван мокрого снега, снежные метели. Я только гор-

бился в моем холодном, открытом непогоде уголке кузова грузовика, дожидаясь, когда же закончится смертельное путешествие.

Наконец, мы прибыли куда-то, в подразделение, занимавшее стратегическую позицию у подножья крутого, иззубренного кряжа. Как только я прибыл, я обратил внимание на позиции гранатометов, выстроенные в точности так, как меня самого учили их строить, каждая скрытая позиция была пополнена солдатами до нужного количества. После мучений и неудобств долгого путешествия я ощутил внезапное чувство завершенности, неожиданное удовлетворение, что наконец-то отвратительная работа, на которую меня силком забрали, вот-вот начнется.

Тем не менее, драться на самой войне мне еще была не судьба. После назначения в гранатометный расчет и службы вместе с другими солдатами, через день-другой до меня дошла первая пугающая реальность армии. Гранатометы у нас были, но не было гранат. Похоже, остальных это не тревожило, поэтому я не позволил, чтобы это тревожило меня. Я пробыл в армии достаточно долго, чтобы выработать нерассуждающий склад ума пехотинца, когда речь шла о прямых прика-

зах к сражениям, или о подготовке к сражениям.

Нам было сказано, чтобы мы отступили с этой позиции, пополнили свои запасы, а потом заняли новую позицию, на которой будем непосредственно противостоять врагу.

Мы разобрали свое оружие, под покровом ночи покинули нашу позицию и долго двигались на восток. Здесь в конце концов мы встретились с колонной грузовиков. Нас везли две ночи и день до громадных складов. Здесь мы узнали, что гранатометы, которыми мы вооружены, уже устарели. Нас снабдили их новой, самой последней версией, однако всему эскадрону теперь требуется переобучение.

Поэтому мы пошли маршем в другой лагерь. Там нас переобучили. И там, наконец-то, нас снабдили последним образцом оружия и амуниции к нему, и теперь полностью готовые мы снова маршем пошли обратно на войну.

Мы так никогда и не дошли до нашей новой позиции, где намечалось непосредственное противостояние с врагом. Вместо того, чтобы сменить другую часть, нас отклонили в сторону, и пять суток мы шли по самой труднопроходимой местности, которую я видел, изрытый, замерзший ландшафт поблескивающего кремня и гальки, лишенный растительности, цвета и даже формы.

Прямо сразу до меня не совсем дошло, но уже в эти

первые несколько дней и недель бесцельной активности установился некий определенный рисунок. Бесплезные и постоянные перемещения и стали моим опытом войны.

Я никогда не терял счета дней и лет. Трехтысячелетняя годовщина неясно нависала впереди наподобие неопределенной угрозы. Мы регулярно маршировали из одного места в другое, мы едва высыпались, мы снова маршировали или нас везли на грузовиках, нас распределяли по деревянным хижинам, стоявшим впритык, населенными крысами и протекавшими под непрерывными дождями. Нас регулярно отзывали и переобучали. Неизменно следовал выпуск нового или модернизированного оружия, делая необходимым новое переобучение. Мы все время находились в переходном состоянии, то устраивая лагерь, то оборудуя новую позицию, направляясь на юг, на север, на восток, всюду, где требовалось подкрепление – нас сажали на поезда, высаживали с поездов, нас перебрасывали самолетами туда-сюда, часто без еды или воды, иногда без предупреждения, всегда без объяснений. Однажды, когда мы прятались в траншеях близких к линии снегов, с десятков боевых самолетов с воем пронеслись над головой и мы встали и приветствовали их, в другой раз пролетел другой самолет, от которого было приказано спрятаться. Никто нас не атаковал, ни тогда, ни вообще, но мы всегда были настороже. В

некоторых более северных районах континента, куда нас пересылали время от времени, в зависимости от сезона я попеременно поджаривался на солнце, тонул по пояс в грязи, был искусан тысячами летучих насекомых, был чуть не сметен лавиной тающего снега – я страдал от нарывов, солнечных ожогов, ушибов, сукки, натертых ног, изнеможения, запоров, обморожений и нескончаемого унижения. Иногда нам приказывали занять оборону с заряженными и готовыми к бою гранатометами, в ожидании сражения.

Но военные действия никогда не наступали.

Такой была война, о которой всегда говорили, что она не закончится никогда.

Я потерял всякое ощущение текущего времени, прошлого и будущего. Я знал лишь ежедневные крестики в календаре, да чувство неотвратимо наступающего четвертого тысячелетия войны. И пока я маршировал, копал, ждал, тренировался, замерзал – я мечтал только о свободе, о том, чтобы все это осталось позади, о возвращении на острова.

В какой-то забытый момент в период одного из походных маршей, в каком-то из лагерей переобучения, в одной из наших попыток вырыть траншею в вечной

мерзлоте, я потерял свою записную книжку, где были все записанные мной названия островов. Когда я впервые обнаружил пропажу, она показалась мне невероятной катастрофой, хуже всего прочего, что навлекла на меня армия. Но потом я понял, что в моей памяти все имена островов прекрасно сохранились. Сосредоточившись, я понял, что наизусть могу прочесть всю литанию островов, и разместить их воображаемые очертания на мысленной карте.

Поначалу обездоленный, я пришел к пониманию, что потеря вначале карты, а потом и записной книжки, освободила меня. Мое настоящее было бессмысленным, а мое прошлое – забытым. Только острова представляли будущее. Они существовали в моих мыслях, бесконечно изменяясь, словно я жил на них, приводя их в соответствие своим ожиданиям.

И пока копился изнурительный опыт войны, я начал все более зависеть от навязчивых мысленных образов тропического архипелага.

Однако, я не мог игнорировать армию, и мне все еще приходилось терпеть ее бесконечные требования. В ледяных горах далее к югу вражеские части врылись в неприступные оборонительные позиции, в линии, про которые они знали, что смогут удерживать их столетиями. Они были так основательно изрыты траншеями, что наши солдаты придерживались общего мнения, что врага оттуда не вытеснить никогда. Счита-

лось, что сотням тысяч наших солдат, вероятно, миллионам, придется умереть в наступлении на эти позиции. И быстро стало ясно, что мой эскадрон не только будет на острие первого приступа, но и после первой атаки мы будем продолжать находиться в сердце сражения.

Таковыми были предвестники празднования кануна четвертого тысячелетия.

Много других наших дивизий уже были на месте, готовясь к атаке. В скором времени мы должны были двинуться им на подмогу.

Спустя две ночи, нас действительно еще раз посадили в грузовики и перебросили на юг, в сторону промерзлого южного высокогорья. Мы заняли позиции, врываясь как можно глубже в вечную мерзлоту, маскируясь и нацеливая свои гранатометы. И теперь, не заботясь больше о том, что может случиться со мной, страдая от физического окружения, ощущая неприкаянность от несобранности мыслей, я со смесью страха и скуки вместе со всеми ждал своей судьбы. Замерзая, я мечтал о теплых островах.

В ясные дни мы улавливали вид вершин обледенелых гор на горизонте, но не видели ни следа вражеской активности.

Через двадцать дней после того, как мы заняли позиции в замерзшей тундре, нам в очередной раз приказали отступить. До миллениума оставалось меньше

десяти дней.

Мы двинулись прочь, спеша на подкрепление какому-то большому сражению, которые, как нам говорили, происходят на побережье. Сообщения о количестве убитых и раненых были ужасающими, но ко времени нашего прибытия все уже затихло. Мы заняли оборонительные позиции вдоль береговых утесов. Все было слишком знакомо – бессмысленная смена позиций, непрерывное маневрирование. Я повернулся к морю спиной, не желая смотреть на север, где лежали недостижимые острова.

Лишь восемь дней оставалось до страшной годовщины начала войны, уже целый год нам доставляли запасы дополнительного оружия, амуниции и невиданных мною ранее гранат. Напряжение в наших рядах стало невыносимым. Я был убежден, что на сей раз наши генералы не блефуют, что настоящие сражения начнутся днями, а может быть и часами.

Я ощущал близость моря. И если я хотел отмазаться от армии, то этот момент наступил.

Той ночью я покинул свою палатку и соскользнул по откосу рыхлого песка и гравия на берег. Задний карман был набит всей накопленной мною нерастраченной армейской платой. Солдаты всегда шутили, что эти бумажки ничего не стоят, но теперь я думал, что они наконец-то могут принести пользу. Я шел до рассвета, потом весь день прятался в густой растительности на

крутом склоне к литорали, отдыхая как мог. Мой бодрствующий разум твердил наизусть названия островов.

В течении следующей ночи я ухитрился найти тропу, проложенную колесами грузовиков. Я понимал, что тропа армейская, поэтому следовал по ней с безмерной осторожностью, прячась при первых признаках движения. Я продолжал продвигаться по ночам, насколько возможно отсыпаясь днем.

К моменту, когда я добрался до одного из военных постов, я был уже в плохом физическом состоянии. Хотя мне удавалось найти воду, я ничего не ел уже четверо суток. Я во всех смыслах был истощен и готов сдаться.

Поблизости от гавани на узкой неосвещенной улочке, и не с первой попытки, а после нескольких часов рискованных поисков, я нашел здание, которое искал. Я вошел в бордель незадолго до рассвета, когда бизнес замирает, а большинство шлюшек спит. Они впустили меня и сразу же поняли тяжесть моего положения. Они же избавили меня от всех моих армейских дел.

Я оставался спрятанным в публичном доме в течении трех суток, восстанавливая силы. Они дали мне гражданскую одежду – несколько диковатую, как мне

показалось, но у меня же не было опыта жизни в гражданском мире. Я не расспрашивал, откуда женщины взяли одежду, или кому она когда-то принадлежала. Долгими часами одиночества в крохотной комнатенке, я все время был в своей новой одежде, держа зеркало на расстоянии вытянутой руки, восхищаясь тем кусочком себя, что я мог увидеть в небольшом обломке стекла. Избавиться наконец от армейской формы, от ее плотной, грубой материи, от тяжелой паутины ремней, от громоздких нашлепок бронепластин, само по себе было похоже на свободу.

Шлюшки поочередно наносили мне визиты по ночам.

В ранние часы четвертой ночи – ночи тысячелетнего миллениума войны – четверо шлюшек вместе с их жиголо-мужчиной отвели меня в гавань. Они на веслах отвезли меня довольно далеко в море, где в темных вздымающихся волнах за пределами мыса дожидалась моторка. Огней на борту не было, но в слабом свете от города я увидел, что на ее борту уже находятся несколько других мужчин. Они тоже были диковато одеты, в гофрированных рубашках, мягких шляпах, с золотыми браслетами, в вельветовых пиджаках. Они опирались на поручни и смотрели вниз на воду выжидающими глазами. Никто из них не взглянул на меня, никто не смотрел друг на друга. Никто никого не приветствовал, не узнавал. Деньги перешли из рук в ру-

ки, от шлюшек в моей лодке двум проворным молодым людям в темной одежде на моторке. Мне позволили взобраться на борт.

Я втиснулся на палубе между другими мужиками, благодарный за тепло их прижатых ко мне тел. Гребная лодка ускользнула во тьму. Я смотрел в ее сторону, сожалея, что не могу остаться с этими молодыми распутницами. Я уже тосковал об их иссохших, переработавших телах, об их беззаботном, пылком искусстве.

Весь остаток ночи баркас дожидался на своей тихой позиции, команда поочередно принимала на борт других мужиков, забирая деньги и позволяя им самим находить место, где приткнуться. Мы продолжали молчать, глядя на палубу и дожидаясь отправки. Я немного подремал, но всякий раз, когда новые мужики всходили на борт, приходилось передвигаться, чтобы дать им место.

Якорь подняли перед рассветом и судно повернуло в море. Мы нагрузились тяжело и шли медленно. Как только мы вышли из-под защиты берега, на нас навалилась крутая погода и сильная зыбь, нос баркаса громоздко врезался в стену волны, зачерпывая воду при каждом кренящемся всплывании. Я быстро промок насквозь, проголодался, был напуган, измучен, и отчаянно желал достичь твердой земли.

Мы направлялись на север, стряхивая соленую воду с глаз. Литания названий островов неустанно пелась в

моей голове, призывая меня вернуться к ним.

Я сбежал с баркаса при первой же возможности, возникшей, когда мы достигли первого обитаемого острова. Похоже, никто не знал, что это за остров. Я сошел на берег в своей диковатой одежонке, несмотря на ее шикватость, чувствуя себя взъерошенным оборванцем. Постоянная соленая сырость на судне обесцветила почти всю материю, которая вдобавок по разному где села, где вытянулась. У меня теперь не было ни денег, ни имени, ни прошлого, ни будущего.

«Как называется этот остров?», спросил я у первого, кого встретил, у пожилой женщины, сметающей мусор с набережной. Она посмотрела на меня, словно я был сумасшедший.

«Стеффер», сказала она.

Я никогда не слышал о таком.

«Скажите снова», сказал я.

«Стеффер, Стеффер. Ты дезертир?» Я ничего не ответил, поэтому она ухмыльнулась, словно я подтвердил. «Стеффер!» «Это название острова, или вы меня так называете?» «Стеффер!», снова сказала она и отвернулась.

Я пробормотал какую-то благодарность и неловко

зашагал от нее, направляясь в город. Я не имел ни малейшего понятия, где находился.

Какое-то время я спал где придется, воровал еду, клячил деньги, потом я встретил шлюшку, которая сказала, что существует приют для бедных, где людям помогают найти работу. Уже в тот же день я тоже сметал мусор с улиц. Оказалось, что остров называется Кеейлин, и это место, где многие стефферы впервые сходят на берег.

Наступила зима – когда дезертировал, я и не осознал, что стояла осень. Я ухитрился заработать свой проезд в качестве палубного матроса на грузовом судне, везущем припасы на южный континент, но которое, как я слышал, должно было по дороге зайти на более северные острова. Информация оказалась верной. Я прибыл на Фелленстел, громадный остров с горной грядой, прикрывавшей населенную северную сторону от преобладающих южных штормовых ветров. Зиму я провел в мягком воздухе Фелленстела. Когда пришла весна, я снова отправился на север, на разное время останавливаясь на Манлайле, Меекуа, Эммерете, Сентиере – ни одного из этих островов не было в моей литании, но я все равно заучил их наизусть.

Постепенно жизнь моя улучшалась. Вместо того, чтобы в дороге спать где придется, я понемногу оказался в состоянии снимать комнату на все время, что планировал оставаться на каждом острове. Я узнал,

что публичные дома на островах связаны цепью контактов для дезертиров, это места их отдыха и помощи. Я научился находить временную работу, научился жить очень дешево. Я выучил диалекты островов, быстро применяясь к окружению, когда натыкался на другой выговор, который менялся от одного острова к другому.

Никто не говорил со мной о войне, разве что самым туманным образом. Меня часто засекали как стеффера, когда я где-то высаживался, но чем дальше на север я двигался и чем теплее становилась погода, тем меньше это кого-либо волновало.

Я перемещался по архипелагу Снов, видя его во снах даже сейчас, когда двигался, воображая, какой же остров окажется следующим, мысленно приводя его в существование, которое будет длиться столько, сколько мне потребуется.

К тому времени, когда я вышел на черный рынок островитян, чтобы заполучить карту, я понял, что, наверное, это самый сложный вид печатного материала, который только можно найти. Моя карта была неполной, устаревшей на много лет, выцветшей и порванной, а имена островов были написаны шрифтом, которого я поначалу не понимал, но все-таки это была карта той части архипелага, где я сейчас путешествовал.

На краю карты, рядом с оторванным куском, находился небольшой остров, имя которого я в конце кон-

цов смог расшифровать. Это был Местерлин, один из островов, о которых моя ненадежная память говорила, что мы прошли мимо него в путешествии на юг.

Салай, Теммил, Местерлин, Пракос... Это было частью литании, частью маршрута, который должен был привести меня обратно на Мурисей.

У меня заняло еще год блуждающих путешествий, чтобы достичь Местерлина. Как только я высадился, то сразу влюбился в это место: теплый остров с низкими холмами, просторными долинами, широкими, извилистыми реками и желтыми берегами-пляжами. Всюду буйствовали цветы лучезарных оттенков. Здания строились из беленого кирпича и терракотовой черепицы, и они сбивались в группы на вершинах холмов или у подножий крутых скалистых склонов на берегу моря. На острове сильно дождило: посреди почти каждого дня короткий шторм прилетал с запада, насквозь вымачивая деревушки и городки, гоня по улицам шумные потоки. Жителям Местера нравились эти мощные ливни и она оставались стоять на улицах и скверах с поднятыми лицами и распахнутыми руками, а дождь чувственно струился по длинным волосам и вымачивал легкие одежды. Потом, когда возвращалось жар-

кое солнце и колеи на глинистых улочках затвердевали заново, нормальная жизнь шла своим чередом. После дневного ливня все становились счастливее и начинали готовиться к томному вечеру, который проводили в ресторанах и барах на открытом воздухе.

Впервые за всю свою жизнь (как я вспоминал ее своей ненадежной памятью), или впервые за много лет (как, я подозревал, было на самом деле), я почувствовал настоящее побуждение зарисовать то, что вижу. Я был поражен и ослеплен цветом, светом, гармонией этого места с его растениями и людьми.

Я проводил дневные часы бродя, где только мог, устроив пиршество глазу пестро окрашенными цветами, зеленью полей, блестящими реками, глубокими тенями деревьев, голубым и желтым сиянием солнечных берегов, золотистой кожей жителей Местера. Образы прыгали в моем сознании, заставляя меня жаждать артистического выхода, посредством коего я мог бы схватить их.

Вот почему я начал делать карандашные наброски, понимая, что я еще не готов для красок или пигментов.

К этому времени я смог зарабатывать достаточно денег, чтобы позволить себе снять маленькую квартирку. Я работал на кухне одного из баров в гавани. Я хорошо питался, регулярно спал, приходя к согласию с дополнительными ментальными пустотами, которыми наградила меня война. Я чувствовал, что четыре го-

да под ружьем были потерянным временем, эллипсисом, еще одной зоной забытой жизни. На Местерлине я начал ощущать полноту жизни, расцветшей вокруг меня, свою идентичность, свое вновь приобретенное прошлое и будущее, которому можно посмотреть в лицо.

Я накупил бумаги и карандашей, позаимствовал крошечный стул и приобрел привычку устраиваться в тени стенки гавани, быстро зарисовывая любого, кто появлялся в поле зрения. Я скоро обнаружил, что местерлинки были прирожденными эксгибиционистками — когда они понимали, чем я занимаюсь, большинство со смехом позировали мне, или предлагали вернуться, когда у них будет больше времени, или даже намекали, что могут встретиться со мной privately, чтобы я смог нарисовать их еще раз с более интимными подробностями. Большинство подобных предложений шло от молодых женщин. А я уже обнаружил, что женщины Местера неотразимо красивы. Гармония их прелести и ленивой удовлетворенности жизнью на Местерлине вызывала живые графические образы в моем сознании, бесконечно соблазнявшие меня попытаться из запечатлеть. Жизнь все более полно обнимала меня, ощущение счастья росло. Я начал видеть цветные сны.

Потом в Местерлин прибыл военный транспорт, прервав свое южное путешествие на войну, его палубы ло-

мились от молодых новобранцев-призывников.

Он не встал в городской гавани, а бросил якорь на внешнем рейде. Лихтеры поплыли к берегу с твердой валютой на покупку еды, разных материалов и на пополнение запасов питьевой воды. Пока продолжались поставки, отряды черных фуражек бродили по улицам, пристально разглядывая всех мужчин военного возраста, держа свои синаптические дубинки наготове. Поначалу при виде их парализованный страхом, я прятался от них в чердачном помещении единственного в городе борделя, с ужасом думая, что же случится, если они меня найдут.

Когда они ушли и транспорт отчалил, я ходил по Местерлину в состоянии страха и тревоги.

Моя литания островов кроме всего обладала смыслом. Это было не просто выпевание воображаемых имен с призрачным существованием. Они представляли собой память о моем реальном опыте. Острова были как-то связаны, но не тем способом, которому я доверял, с кодом к моему настоящему прошлому, расшифровав который, я смог бы восстановить самого себя. Но литания, одновременно, была и более прозаической – просто маршрутом транспортов на юг.

И, все-таки, она оставалась подсознательным посланием. Я сделал это послание своим, я повторял его, когда никто другой не мог об этом знать.

Я планировал оставаться на Местерлине неопре-

деленно долго, но неожиданное появление транспорта все испортило. Когда я снова попробовал рисовать под стеной гавани, я ощутил себя каким-то открытым и занервничал. Рука моя больше не повиновалась внутреннему глазу. Я переводил бумагу, ломал карандаши, терял друзей. Я снова превратился в стеффера.

В тот день, когда я покинул Местерлин, на набережную пришла самая молодая шлюшка. Она дала мне список имен, но не островов, а ее подружек, работавших в других частях архипелага Снов. Когда мы отчалили, я зазубрил имена на память, а потом швырнул полоску бумаги в море.

Через пятнадцать суток я был на острове Пикее, который мне нравился, но который я нашел слишком похожим на Местерлин, слишком наполненным воспоминаниями, которые проросли на неглубокой почве моей памяти. С Пикее я перебрался на Панерон, это долгое путешествие прошло мимо нескольких других островов, вдоль побережья пролива Хельварда, изумительно громадного башнеподобного острова-скалы, бросающего тень на остров, что лежал позади.

К этому времени я забрался так далеко, что оказался за краем купленной карты, поэтому меня вела лишь память об именах. Я жадно ждал появления каждого острова.

Панерон поначалу вызвал у меня отвращение: многие его ландшафты сформировались из вулканических

скал, черных, зазубренных и отталкивающих, однако на западной стороне располагалась громадная зона плодородной земли, чуть не задушенная дождевым лесом, раскинувшимся прямо от берега насколько хватало взгляда. Берег окаймляли пальмы. Я решил, что какое-то время проведу на Панероне.

Впереди лежал Свирл, за обширной цепью рифов и шхер был Обрак, за которым в свою очередь находился остров, который я все еще страстно пытался обрести: Мурисей, родной дом моих самых живых воображаемых воспоминаний, место рождения Раскара Акиццоне.

Это место, этот художник – они представляли единственную реальность, которую я знал, единственный опыт, который, как мне казалось, я могу по-настоящему назвать своим.

Еще один год странствий. Тридцать пять островов группы Обрак разрушили мои планы: работу и жилье на этих слабо населенных островках найти было трудно, а мне не хватало денег, чтобы просто проплыть мимо или обогнуть их. Мне пришлось медленно прокладывать путь сквозь группу, остров за островом, работая ради средств существования, изнемогая от зноя

под тропическим солнцем. Теперь, когда я снова путешествовал, вернулся мой интерес к рисованию. В некоторых самых оживленных портах Обрака я снова устанавливал мольберт, рисуя за деньги, за сантимы и су.

На АнтиОбраке, близко к центру группы островов, я купил немного пигментов, масло и кисти. Обрак было место в основном лишенным цвета: плоские, малоинтересные острова лежали под обесцвечивающим солнечным светом, песок и побелевший гравий с внутренних равнин постоянными ветрами наносило в городки, бледную голубизну яичной скорлупы мелких лагун можно было видеть уголком глаза при каждом повороте головы. Отсутствие ярких оттенков было вызовом, мне хотелось видеть цвет и рисовать его.

Я больше не видел транспортов, хотя всегда был настороже на случай их прохода или прибытия. Я все еще следовал их маршрутом, поэтому, когда я расспрашивал островитян о транспортах, они сразу понимали, что я имею в виду, и каким должно быть мое происхождение. Однако по мелочам достоверную информацию об армии собрать было трудно. Иногда мне говорили, что транспорты перестали плавать на юг, иногда, что они переключились на другой маршрут, иногда — что они проходят по ночам.

Мой ужас перед черными фуражками заставлял меня держаться на ходу.

В конце концов я в последний раз пересек море и одной ночью на углевозе прибыл в Мурисей. С верхней палубы, пока мы медленно двигались по широкому заливу, ведущему в устье гавани, я озирался с чувством радостного предвкушения. Я мог начать здесь новый старт – то, что произошло во время того далекого увольнения на берег было несущественным. Я оперся на поручень, наблюдая, как отражения цветных огней города мельтешат на темной воде. Я слышал рокот двигателей, бормотание голосов, следы искаженной музыки. Жара обволакивала меня, а до того она так же обволакивала город.

При швартовке возникли задержки, и к тому времени, когда я оказался на берегу, было уже за полночь. Прежде всего надо было найти место, где провести ночь. Из-за недавних стесненных обстоятельств я не был способен платить, чтобы где-нибудь остановиться. Много раз в прошлом я сталкивался с этой проблемой, чаще всего засыпая где придется, однако теперь я устал гораздо сильнее.

Я направился прочь от шумного уличного движения в переулки, высматривая бордели. Меня окатил целый ряд ощущений: бездыханная экваториальная жара, тропические ароматы цветов и ладана, бесконечный рев машин, мотоциклов и крики велорикш, запахи пряного жареного мяса, готовящегося прямо на улицах, постоянное мелькание и вспышки неоновой ре-

кламы, ритмы поп-музыки, оловянно гремящей из радио на прилавках, из каждого окна и каждой открытой двери. Некоторое время я постоял на углу улицы, нагруженный своим багажом и живописными принадлежностями. Я повернулся кругом, получая удовольствие от окружающего шума, потом поставил на землю свой багаж, и наподобие людей с Местера, смакующих дождь, в экзальтации воздел руки и поднял лицо к сверкающему ночному небу в оранжевых оттенках, светящемся отраженными танцующими огнями города.

Возбужденный и освеженный, я гораздо охотнее поднял свой груз и пошел дальше в поисках своих борделей.

Я наткнулся на один из них в небольшом здании всего в двух кварталах от набережной, вход туда вел через затемненную дверь с бокового переулка. Я вошел туда совершенно без денег, предоставив себя милосердию работающих там женщин, в поисках убежища от ночи и одиночества в единственной церкви, которую знал. В храме своих снов.

Из-за своей истории, но более благодаря своим морским купаниям, магазинам и солнечным пляжам Мурисей-таун был туристским аттракционом для богатых

посетителей со всего архипелага Снов. В мои первые месяцы на острове я обнаружил, что могу иметь приличный доход, рисуя сцены гавани и горные пейзажи, а потом выставляя их у секции стены рядом с одним из самых громадных кафе на Парамаундер-авеню, где располагались все модные салоны и элегантные ночные клубы.

В межсезонье, или когда я просто уставал от рисования за деньги, я оставался в своей студии на десятом этаже над городским центром и посвящал себя попыткам развить технологию, пионером которой был Акиццоне. Теперь, когда я находился в городе, где Акиццоне создал свои самые тонкие картины, я наконец-то был в состоянии исследовать его жизнь и труды более основательно, чтобы лучше понять технику, которую он применял.

Тактилизм к этому времени уже много лет как вышел из моды, что было удачным состоянием дел, так как позволяло мне экспериментировать без вмешательства, без комментариев или излишнего интереса критиков. Ультразвуковые микросхемы больше нигде не применялись, если не считать рынка детских игрушек, поэтому пигменты, в которых я нуждался, были в изобилии и дешевы, хотя поначалу было трудно приобрести их в нужных мне количествах.

Я принялся за работу, нанося слои пигмента на серию грунтованных гипсом досок. Техника была запу-

танной и рискованной – я испортил множество досок простым соскальзыванием палитрового ножа, хотя некоторые работы были близки к полному завершению. Мне следовало еще многому научиться.

Признав это, я затеял регулярные визиты в закрытые секции городского музея, где несколько оригинальных работ Акиццоне хранились в архиве. Женщина-куратор поначалу была изумлена, что я проявляю интерес к такому малоизвестному, немодному и предположительно непристойному художнику, но вскоре она привыкла к моим повторяющимся визитам, к долгим молчаливым сессиям, что я проводил в запертых святилищах, где в одиночестве я прижимал свои ладони, лицо, все тело к кричащим картинам Акиццоне. Я погружался в подобие лихорадки художественной поглощенности, чуть ли не буквально впитывая захватывающие дух воображаемые сцены Акиццоне.

Ультразвуки, производимые тактильными пигментами, действовали прямо на гипоталамус, обеспечивая внезапные изменения в концентрации и уровнях серотонина. Мгновенным результатом этого была генерация образов у зрителя – менее очевидными последствиями была депрессия и долговременная потеря памяти. Когда я покинул музей после моего первого во взрослом состоянии столкновения с работой Акиццоне, я был потрясен этим опытом. Пока эротические образы, созданные картинами, все еще населяли ме-

ня, я почти ослеп от боли, путаницы и чувства неопределенного ужаса.

После первого визита я шатаюсь возвратился в свою студию и проспал почти двое суток. Пробудившись, я получал кару за то, что узнал в картинах. Столкновение с тактилическим искусством наносит зрителю серьезную травму.

Я ощутил знакомое чувство опустошенности. Подвела память. Где-то в недавнем прошлом, когда я путешествовал по островам, я пропустил какие-то из них.

Литания была еще здесь и я наизусть прочитал имена. Амнезия не была конкретной: я помнил имена, но в некоторых случаях у меня не осталось памяти о самих островах. Был ли я на Винхо? На Делмере? На Нелквее? Никаких воспоминаний ни об одном из них, но они были в моем маршруте.

На две-три недели я вернулся к своему туристскому художеству, частью ради наличности, но так же и для передышки. Мне нужно было обдумать то, что я узнал. Память о детстве была чем-то стерта почти начисто. Теперь я был твердо убежден, что причиной было погружение в искусство Акиццоне.

Я продолжал работать и постепенно обрел собственное видение.

Физически техника для мастера была довольно простой. Трудность, как я узнал, заключалась в психологическом процессе перенесения собственных страстей,

стремлений, желаний в произведение. Когда у меня это получилось, я начал работать успешно. Одна за другой мои живописные доски копились в студии, прислоненные к стене на дальней половине длинной комнаты.

Временами я стоял у окна своей студии и глядел вниз на кипящий, беззаботный город, а мои шокирующие образы скрывались в пигментах позади меня. Я чувствовал себя так, словно готовлю арсенал мощного колдовского оружия. Я становился террористом от искусства, невидимым и вне подозрений от мира в целом, мои произведения несомненно обречены на непонимание так же, как обречены были шедевры Акиццоне. Тактилистские картины были слишком явным отражением моей собственной жизни.

В то время как Акиццоне, который в жизни был либертенном и плутом, запечатлял сцены громадной эротической силы, мои собственные образы выводились из другого источника: я жил жизнью эмоционального подавления, повторения, бесцельного блуждания. Моя работа была неизбежной реакцией против Акиццоне.

Я писал, чтобы оставаться в разуме, чтобы сохранить собственную память. После первого столкновения с Акиццоне я понял, что единственно вложив всего себя в свои работы я смогу вернуть то, что потерял. Лицезрение тактилистских работ вело к забыванию, но сотворение его, как я теперь обнаруживал, приводило

к воспоминанию.

Я получил вдохновение от Акиццоне. И потерял часть себя. Но я писал и выздоровел.

Мое искусство было полностью терапевтическим. Каждая картина просветляла новую зону путаницы или амнезии. Каждое прикосновение палитрового ножа, каждый взмах кисти, были очередной подробностью моего прошлого, подробностью четко определенной и помещенной в такой же определенный контекст. Мои картины поглощали мои же травмы.

Когда я отрывался от них, все, что я видел, были пятна мягкого однородного цвета, в основном такие же, как и на работах Акиццоне. Но прижимаясь к слоям высушенной краски, я входил в царство высшего психологического спокойствия и уверенности.

Что другие станут испытывать от моей тактилистской терапии, я не позаботился задуматься. Моя работа была колдовским оружием. Ее потенциал был скрыт до момента взрыва, словно противопехотная мина, ожидающая нажатия ноги.

После первого года, когда я работал, чтобы утвердить себя, я вошел в свою наиболее плодотворную фазу. Я стал таким продуктивным, что, дабы высвобо-

дить себе больше места, переместил наиболее амбициозные работы в пустое здание, на которое наткнулся вблизи берега. Это был бывший танцклуб, давно заброшенный и пустой, но физически вполне неповрежденный.

Хотя там был обширный первый этаж с путаницей коридоров и маленьких комнатушек, главный зал представлял собой огромную открытую зону, достаточно большую, чтобы вместить любое количество моих картин.

Несколько работ поменьше я оставил в своей студии, но самые большие и те, что были с наиболее мощными и смущающими образами изломов и потерь, я хранил в городе.

Самые большие полотна я сложил в главном зале, но какой-то нервный страх обнаружения заставил меня спрятать меньшие размером работы на первом этаже. В лабиринте коридоров и комнат, плохо освещенных и пропитанных затхлыми ароматами бывших посетителей я обнаружил с десятков разных мест, где спрятать свои работы.

Я постоянно перемещал их с места на место. Иногда я тратил целый день и целую ночь, работая без перерыва в почти полной тьме, маниакально перетаскивая мои художества из одной комнаты в другую.

Я обнаружил, что путаница пересекающихся коридоров и комнат, задешево сляпанных из тонких разде-

лительных стен и освещенных лишь через большие интервалы тусклыми электрическими лампочками, представляла собой то, что казалось почти бесконечной комбинацией случайных проходов, переходов и путей. Я расставил свои картины наподобие часовых в неожиданных и тайных местах этого лабиринта, позади дверных проемов, за углами проходов, иррационально перегораживая самые темные места.

Потом я покинул здание и на некоторое время вернулся к нормальной жизни. Я начинал новые картины, или так же часто выходил на улицу со своим мольбертом и табуретом и начинал работать над коммерчески привлекательными пейзажами. Мне вечно нужна была наличность.

Вот так моя жизнь и продолжалась месяц за месяцем под кипящим солнцем Мурисея. Я знал, что наконец-то нашел что-то похожее на удовлетворение. Даже искусство для туристов совсем не было нудной работой, потому что я понял, что предметные картины требуют дисциплины линии, кисти и темы, которая только усиливает напряженность тактилистского искусства, куда я перехожу потом и которого не видит никто. На улицах Мурисей-тауна я завоевал скромную репутацию туристского пейзажиста.

Протекли пять лет. Жизнь была хороша, как никогда.

Пяти лет оказалось совсем не достаточно, чтобы гарантировать, что жизнь навсегда останется прекрасной. Как-то вечером за мной пришли черные фуражки.

Я, как всегда, был один. Моя жизнь была уединенной, настроение интроспективным. Друзей, кроме шлюшек, у меня не было. Я жил ради своего искусства, творя его загадочную пост-Акиццоне программу, уникальную и, вероятно, в конечном счете напрасную.

Я был в своем складе, снова маниакально перекладывая доски, размещая и перемещая своих стражей в коридорах. Ранее этим днем я нанял телегу, чтобы привести еще пять недавних своих работ, а когда человек ушел, я начал неторопливо перетаскивать их на место, касаться их, держать в руках, переставлять.

Черные фуражки вошли в здание и я этого не заметил. Я был поглощен картиной, которую завершил неделей раньше. Я держал ее так, что пальцы касались тыльной части доски, но ладони слегка прижимались к краям.

Картина косвенно относилась к одному инциденту, случившемуся, когда я был в южной армии. Я был в патруле, наступила ночь и я заблудился, возвращаясь к нашим позициям. Около часа я бродил во тьме и хо-

лоде, медленно замерзая. Под конец кто-то нашел меня и привел назад в траншеи, но до сих пор я испытывал ужас смерти.

Пост-Акицционист, я запечатлел тот исключительной силы страх, что я испытал: крошечная тьма, колючий ветер, пронзительный холод, пробирающий до кости, изрытая земля, где невозможно и метра пройти не споткнувшись, постоянная угроза от невидимого врага, одиночество, тишина, паника, далекие взрывы.

Рисование успокаивало меня.

Я вышел из своего транса, чтобы обнаружить четыре черные фуражки, стоявшие рядом со мной. Они смотрели на меня. Жезлы в кобурах. Меня охватил такой ужас, словно я уже получил жестокий удар.

Я что-то попытался сказать, испустив лишь не артикулированный горловой хрип, непроизвольный, словно попавшее в капкан животное. Мне хотелось заговорить с ними, заорать на них, но получался только этот звериный хрип. Я перевел дыхание, попробовал снова. На этот раз звук получился прерывистым, словно страх добавил заикание к стону.

Услышав это, зарегистрировав мой ужас, черные фуражки достали свои дубинки. Они двигались обычным шагом, им не было нужды спешить. Я попятился, задел картины, повалив их на пол.

У этих людей словно отсутствовали лица: козырьки фуражек затеняли лица, дымчатый визор затенял гла-

за, решетчатая заслонка защищала рот и челюсть.

Четыре щелчка, чтобы взвести синаптические дубинки – и они подняли их в боевое положение.

«Ты дезертировал, солдат!», сказал один из них и презрительно швырнул в моем направлении листок бумаги. Он, порхая, упал к его сапогам. «Дезертируют только трусы!» Я ответил... но смог только судорожно выдохнуть и ничего не сказал.

Из здания имелся только один другой выход, о котором я знал – через подвальный лабиринт. Один из них стоял между мной и коротким пролетом лестницы, ведущей вниз. Я притворился, что нагибаюсь к клочку бумаги, чтобы поднять его. Потом я крутнулся на месте и ударил его ногой. Он злобно махнул дубинкой. Я ощутил мощный разряд электричества, который свалил меня наземь, и заскользил по полу.

Нога была парализована. Я попытался вскарабкаться, завалился набок, попытался снова.

Видя, что я обездвижен, один из чернофуражечников подошел к картине, которой я был поглощен, когда они появились. Он склонился над нею и ткнул в нее концом своего жезла.

Мне удалось вскарабкаться на неповрежденную ногу, и я встал полусогнувшись.

Когда конец дубинки коснулся тактилистского пигмента, то с резким треском из него вдруг вырвался клуб яростного белого пламени и дыма. Он злобно за-

хотал и ткнул еще раз.

Другие подошли посмотреть, что это он там делает. Они тоже тыкали своими дубинками в доску, вызывая всплески белого пламени и клубы дыма. Все грубо хотали.

Один из них согнулся посмотреть поближе, что это там горит. Кончиками пальцев он коснулся неповрежденного участка пигмента.

Мой запечатленный страх и ужас настигли его через рисунок. Ультразвук приковал его к доске.

Он замер, четырьмя пальцами касаясь пигмента, и на какое-то мгновение застыл в этом положении с почти задумчивым выражением лица, присев на корточки и вытянув руку. Потом он медленно повалился вперед. Он попытался опереться на другую руку и она тоже уперлась в пигмент. Тело его начало дергаться в судорогах. Обе его ладони оказались прикованными к доске, дубинка откатилась прочь. Дым еще сочился из курящихся шрамов доски.

Три его товарища подошли посмотреть, что с ним такое. При этом они не спускали с меня глаз. Я все пытался выпрямиться, перенося вес на ногу, которую чувствовал, предоставив другой ноге болтаться, чуть касаясь пола. Чувствительность возвращалась довольно быстро, но боль оставалась невообразимой.

Я следил за тремя черными фуражками, страшась исходящей от них угрозы. Было лишь делом времени,

когда они сделают со мной то, за чем пришли. Они схватили упавшего, пытаюсь оттащить его от пигмента. Я хрипло дышал, борясь за равновесие. Мне казалось, что прежде я был знаком со страхом, но ничто в моем опыте с таким ужасом не равнялось.

Мне удалось сделать шаг. Они не обратили внимания, все пробуя оторвать другого от картины. Дым вился от шрамов, которые они нанесли своими жезлами.

Один из них крикнул мне.

«Что это за штука? Что держит его на доске?» Упавший стал вопить, когда тлеющий пигмент начал обжигать его ладони, но все не мог освободиться. Его боль, то есть мои сконцентрированные в картине чувства, корежили все его тело.

«Это его сны!», громко крикнул я. «Он пленник собственных гнусных снов!» Я сделал второй шаг, третий. Каждый давался легче предыдущего, хотя боль оставалась ужасной. Я запрыгал в сторону неглубокой лестницы возле сцены, ступил на первую ступеньку, на другую, почти потерял равновесие, но все же сделал третий и четвертый шаг.

Они заметили, когда я уже достиг двери рядом с бывшей сценой. Я украдкой оглянулся и увидел, что они бросили своего напарника, который повалился на пигмент, и подняли жезлы в боевое положение. Как истинные атлеты, они быстро сокращали короткую дистанцию между мной и собой. Я нырнул в дверь, воло-

ча недействующую ногу.

Дыхание скрежетало у меня в горле. Я хрипел. Дверь, коридорчик, комнатка, еще дверь – я проско-чил их все. Позади орали черные фуражки, приказывая остановиться. Кто-то из них врезался в тонкую разде-лительную стенку. Я услышал, как затрещало дерево, когда он шарахнулся в нее.

Я заспешил дальше. Следующим шел плавный по-лукруглый проход, где я хранил самые маленькие свои картины, потом серия трех маленьких клетушек, все с широко распахнутыми дверьми. Расставляя картины, я в каждую из клетушек поставил по одной.

Я захромал коридором, захлопывая двери на каж-дом конце. Нога снова заработала почти нормаль-но, но боль еще не отпускала. Я находился в еще од-ном коридоре с альковом на конце, где оставил кар-тину. Развернувшись, я толкнулся в одну из больших комнат, подпер пружинную дверь краем одной из моих досок и поковылял дальше. Еще один коридор, шире остальных, остался позади. Здесь стояли десятки мо-их картин, расставленных по стенам. Я цеплял их но-гой, сдвигая под углом, чтобы они немного загоражи-вали путь. Я минировал свой путь. Фуражки снова за-вопили позади, угрожая и приказывая остановиться.

Я услышал сзади грохот, потом еще один. Кто-то проорал проклятие.

Я рванулся в следующий короткий коридор, куда

выходили еще четыре открытые комнатки. В каждой скрывалась одна из моих самых резких картин. Я выволок их, чтобы они высовывались в коридор на уровне колена. Самую длинную я так положил поверх, чтобы любое касание заставило все упасть.

Еще звук падения, за ним крики. Голоса теперь были совсем близко от меня, по другую сторону ветхой разделительной стенки. Раздался глухой удар, словно упал еще один из них. Потом слышались ругательства, человек закричал. Начал кричать другой. Тонкая стена вспучилась в мою сторону, когда кто-то врезался в нее. Я услышал, как вокруг них валяются картины, услышал резкий треск внезапного огня, когда жезлы вошли в контакт с пигментами.

И почувствовал дым.

Ко мне возвратились силы, хотя острых страх быть схваченным черными фуражками все еще цеплялся в меня. Я заскочил в еще один коридор, шире и лучше освещенный, со стенами, не доходящими до потолка. Здесь плавал дым.

Я остановился на конце коридора, пытаюсь справиться с дыханием. В путанице коридоров позади меня стало тихо. Я вышел из коридора в просторную зону подвала. Тишина длилась, вокруг меня закружились струйки дыма. Я остановился и прислушался, напряженно и испуганно, парализованный ужасом того, что произойдет, если хотя бы одному из них удастся про-

биться мимо картин, не притронувшись ни к одной.

Тишина длилась. Звуки, мысли, движение, жизнь – все поглотили картины травм и потерь.

Их окружили мои страхи. Вокруг них вспыхнул огонь.

Я не видел никакого огня, но дым постепенно сгущался. Он громоздился под потолком темным, серым облаком, тяжелым от испарений спаленных пигментов.

Я понял наконец, что мне надо выбираться, прежде чем я попаду в ловушку распространяющегося пожара. Я быстро пересек подвальную зону, справился со старой дверью с железными ручьятками, и вывалился в темноту. Я неуклюже проковылял по булыжной мостовой, что проходила позади здания, завернул за угол, потом за другой, выйдя на одну из торговых улиц Мурсея, где жаркая ночь пенилась народом, огнями, музыкой и грубыми резкими звуками уличного движения.

Весь остаток ночи я ковылял по задним улицам и переулкам прочь из города, проводя кончиками пальцев по грубоватым текстурам штукатурных стен, обезумев от мысли, что все мои картины потеряны, если здание сгорело. Мою боль пожрал огонь, но теперь я свободен от собственного прошлого.

Я снова вернулся в район порта за час до рассвета. Должно быть, картины довольно долго тлели, прежде чем по-настоящему зажечь убогие деревянные стены подвала, но к этому часу все мое здание сожрало пламя. Дверные проемы и окна, которые я закрывал для

большого уединения, снова стали зияющими отверстиями, прямоугольными порталами во внутренний ад, где ревел белый и желтый огонь в порывах засасываемого внутрь воздуха. Черный дым извергался сквозь отверстия и провалы крыши. Пожарные команды обливали бесплодными каскадами воды осыпающиеся кирпичные стены. Я следил за их усилиями, стоя на набережной с небольшой сумкой пожитков, стоящей рядом. Небо на востоке уже светлело.

К тому времени, когда пожарные команды взяли пожар под контроль, я был уже на борту первого в этот день парома, направляясь к другим островам.

Их имена звенели у меня в голове, призывая к себе.